Другая сторона Луны

Алексей Константинович Смирнов

SHOUT
SHARE
IT

- Другая сторона Луны
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7 Вроде бы отдельная вещь, но... Или: "Сможешь выйти на площадь?..."

Другая сторона Луны

1

Я расскажу несколько историй. Может быть, их будет совсем мало. Может быть, и побольше. Я не стану их озаглавливать.

У меня набралось не то шесть, не то семь медицинских циклов. И все они по своей сути печальные, но в то же время веселые, и от этого смеха становится - во всяком случае, мне - не то чтобы тошно, а как-то неуютно. Потому что мне приходилось встречаться и с вещами, над которыми не очень-то посмеешься даже на мой манер, с известной угрюмостью.

Я не знаю, насколько эти истории шокирующие. Некоторые вполне заурядны, хотя и печальны. Другие похуже. Расскажу, как запомнил, потому что может сложиться впечатление, будто я специально чем-то пренебрегаю, о чем-то умалчиваю - а зачем?

2

Среди этих историй нет предпочтительных, они все вспоминаются сразу. Так что я выдергиваю первую попавшуюся, хотя она ничем не выделяется.

Собственно говоря, это и не история.

В петергофской поликлинике, где я работал пятнадцать лет назад, существовала особая система выписывания дефицитных лекарств, в моем случае - церебролизина и лидазы. Большого толка от них нет, но они тогда были редкостью; назначались только тем, кто состоял на диспансерном учете после инсультов и травм, и у меня была специальная тетрадочка. Периодически, когда препарат поступал в аптеку, я обзванивал эту публику, и все тянулись ко мне за рецептами.

И вот я довольно долго, из полугодия в полугодие, выписывал лидазу одной девчонке лет пятнадцати. Ко мне приходила ее мама. Девчонку лечили от какой-то опухоли облучением, и опухоль прошла, но с облучением переборщили. У нее началась хроническая лучевка, она не выходила из дома, и ее лечили все, потому что у нее полетело всё. И я лечил - якобы, церебролизином. Потому как что я мог сделать?

Однажды меня пригласили к ней на дом, по недосмотру. Мне совершенно незачем было туда идти. Когда я пришел, мама замахала руками в передней: зачем, дескать, вы сами пришли, я бы к вам заглянула.

Ну, раз зашел - выписал рецепт. Помялся: смотреть девчонку или нет.

- Идите, - сказала мама, - нечего там смотреть. Что толку? Вот дерматолог приходил, опытный доктор, пожилой - его вырвало.

3

Я учился на третьем курсе.

У нас только-только началась общая хирургия, и вел ее человек неприятный, неприветливый, грубый. Вообще, он мне казался совершенным жлобом.

Я его побаивался, как и вообще хирургии.

Однажды он сказал:

- Сейчас я приведу больную. Запомните ее фамилию на всю жизнь: Галактионова. У нее стал падать гемоглобин, а доктора в поликлинике как рассуждают? Если падает гемоглобин, надо его поднять. И назначили ей железо, гематоген. А снижение гемоглобина может быть единственным симптомом рака толстого кишечника, который у нее и нашли. И стадия уже не оставляет больших надежд.

Он вышел и привел Галактионову.

Это была большая, рыхлая женщина средних лет. Она отвечала односложно, дружелюбно. Озиралась немного испуганно и застенчиво, потому что не понимала, зачем она здесь. А мы пожирали ее глазами, словно пытались учуять это самое дело, в толстом кишечнике и уже повсюду.

Потом ее отпустили.

Жлоб-то он жлоб, доктор, а вот Галактионову я запомнил навсегда, как он и хотел.

4

Этот случай поразил даже видавших виды. А мы, на шестом-то курсе, еще ничего не видели, и потому не прониклись. Восприняли как интересную демонстрацию, но не более.

Мы все уже вели больных, и вот попала к нам одна пожилая дама.

Лет шестидесяти - может, чуть больше.

Дело было в кардиологии, и она поступила с какой-то непонятной аритмией.

Другой бы, можно сказать, повезло, потому что занимаются очень вдумчиво. Шутка ли: целая группа студентов, у которых еще глаз не замылился, все примечают - знать бы только, что примечать. Плюс наставник, да еще ежедневные разборы, планы, гипотезы. Любой диагноз можно поставить.

Но с этой ничего не получалось. То эта аритмия есть, то ее нет, то еще что-то возникает и тоже пропадает. Пациентка постепенно загружается; ее возят в кресле, она сонная, отвечает односложно; смотрит вполне умиротворенно и особенно не жалуется. Пару раз сердце остановилось, запустили снова, полежала в реанимации, приехала обратно. Никто не понимает, в чем дело. Не то с таблетками переборщили, не то еще что.

Наконец, она тихо и спокойно померла.

По-моему, даже во сне.

И было вскрытие.

Нас водили в обязательном порядке, но тут даже как-то особо позвали, и когда мы пришли, все уже было разрезано, вынуто и разложено.

Все внутренности этой женщины - я подчеркиваю: все - были насквозь поражены меланомой. Это агрессивная опухоль, которая развивается из родинок и очень быстро дает метастазы. Причем первичный очаг может быть меньше булавочной головки, и его, случается, не находят вообще, а видят только результат.

Собственно говоря, внутренних органов не было вообще - ни печени, ни желудка, ни того же сердца; все это были бугристые, черные комья, по которым даже нельзя было сказать, какой это орган.

Но вот, не жаловалась практически ни на что.

5

Я уже отработал свое в поликлинике и учился в ординатуре при Первом Медицинском институте, на кафедре нервных болезней, когда под мое начало отдали девчонку лет семнадцати.

Лежачую.

Это был сущий кошмар. Все мыслимые, все известные из литературы, кино и сказок придирки и капризы меркли перед ее вечным, хроническим недовольством всеми. Возле постели неотлучно находилась мама, вконец задерганная, а на лице у девчонки застыло брезгливое, неодобрительное выражение.

Можно было бы и попенять ей, когда бы не одно обстоятельство.

Которое меняло решительно все. И все ответные к ней претензии рассыпались в пыль.

У этой девчонки была опухоль в шейном отделе спинного мозга. Неоперабельная. Я даже не помню, злокачественная или нет, потому что это неважно, опухоль росла изнутри. Если снаружи, то ее еще можно вылущить. А когда внутри, в середке спинного мозга - сами посудите. И увеличивалась, естественно. А потому я дивился выдержке этой девчонки, которая ограничивалась одними капризами и нытьем, потому что правильнее было сойти с ума.

Какой-то умник из Института Мозга взял ее на операцию, заранее зная, что до конца эту опухоль не убрать. Вскрыл шею, позвоночник, и вынул, что мог, и зашил. И к нам отправил, лежать, потому как что с ней еще делать? Ни руки не работают, ни ноги, пролежни, ничего нельзя, осматривать бессмысленно, расспрашивать не о чем.

Нам, ординаторам, давали всего двух-трех больных, так что ничто не мешало мне ею заниматься. Ей назначили лучевую терапию - надо же что-то назначить. Ежедневно, к полудню, в любую погоду, я сам укладывал ее на носилки, загружал в рафик, ехал через две улицы на кафедру радиологии, там выгружал, вкатывал в кабинет под лучевую пушку. Тогда мне и в голову не приходило истребовать санитара для погрузочно-разгрузочных работ. Я возил ее и возил, пока на кафедре у меня не спросили, не прихожусь ли я ей родственником. Потому что как иначе объяснить такое усердие?

А я не считал это усердием и вовсе не похваляюсь им тут. Я скорее скажу, что не знаю, как поступил бы несколькими годами позже, в другой больнице, уже всему наученный и разобравшийся в окружающей обстановке. Что, так и катал бы ее? Не уверен.

Совсем не уверен.

Доктора с годами меняются, знаете ли.

Ее, конечно, уже нет на свете. Удивлюсь, если полгода прожила.

6

Я всегда ходил в приемный покой с затаенным ужасом. Внешне был неизменно собран, спокоен, зато внутри разливалась не то чтобы паника, но неприятное сосущее ощущение.

Так было везде, во всех больницах, где я побывал.

Однажды, будучи в ординатуре при Первом Медицинском, я тоже так пошел, потому что дежурил. Вечером, стемнело.

В приемном на кушетке лежала девочка шести лет.

Рядом, отвернувшись - мама. Которую всю сотрясало, и она была в прострации.

Потому что у девочки был раскроен череп, и виден мозг. Она, конечно, была без сознания, но еще жила.

Какой-то грузовик выехал из подворотни и стукнул ее, и спешно уехал, никто об этом грузовике ничего не запомнил.

Я, отучившийся в общей сложности девять лет - шесть просто в институте, год в интернатуре, два в ординатуре, плюс всякие курсы - беспомощно стоял и ничего не мог сделать. Вообще нечего. Формально я должен был прийти, потому что поврежден мозг. Но практически я был абсолютно бесполезен. Ждали нейрохирургов.

Все было в крови, необычно яркой.

Наверное, уже тогда во мне зародилось сомнение - на своем ли я месте? Оно и раньше было, но я отмахивался.

Это случилось лет пятнадцать назад. И с тех пор не было дня, чтобы картина не вставала передо мной в полном объеме.

7 Вроде бы отдельная вещь, но… Или: "Сможешь выйти на площадь?…"

Я долго думал, писать ли об этом. Решил, что стоит. Потому что один очень неглупый человек поставил мне настолько же неглупый диагноз делирия, который в просторечье называется "белкой". Дело в том, что я после долгого перерыва попил, попил, да и стал примечать вдруг призраков, прикрытых одеялами: мелькнут - и исчезнут, да как будто и не было их; и еще они оставили по себе три стакана с остатками разноцветных фруктовых соков, которых я не пил, а потом клавиатура в ноутбуке вдруг утонула так, что буквы стали кубами, желтыми и зелеными, совершенно невозможно писать роман. Потом я заклеил себе пластырем левую бровь, попросил ложками вычерпать из носа дым и выразил желание идти на Сенатскую площадь. Что я там намеревался совершить, остается загадкой. Лично я не имею об этом ни малейшего представления. Но дело ведь в принципе! Помните, как строго спрашивал Галич: "Сможешь выйти на площадь?" Да запросто.

В общем, я допился до чертей, а эта перспектива светит, насколько я понимаю, очень многим моим читателям. Тем, кому не светит, можно дальше не читать - не будет ничего ни приятного, ни почетного. Но раз уж я дохтур и обязался по-павловски записывать за собой все, даже распад, то должен полезать груздем в кузов. Особенно оказавшись в роли пациента - совершенно для меня новой и неожиданной.

Как ни странно, я плохо представлял себе, где находится Сенатская площадь. Я полагал, что она расположена прямо за углом, где распивочная "Ева", и рвался туда так, что родным приходилось меня сдерживать. Поговорив кое с кем по телефону, они усадили меня в такси и повезли-таки в направлении Сенатской площади, но я остался к ней совершенно равнодушным и даже вообще не обратил на нее внимания. Вдобавок побаливали разбитые где-то лоб, локти и колени.

Меня везли умирать на Васильевский остров и привезли в место, которые я не знал, что бывают. А я повидал довольно много медицинского говна.

Это была наркологическая больница для синяков и торчков, которых держали вместе, в границах одного отделения. Синяки были тихие, как и сам я стал тихий, а торчки тихими отнюдь не

были, но и о тех, и о других речь пойдет впереди.

Некоторые, однако, похваляются сочетанием в себе обоих качеств.

Представьте себе красное кирпичное здание, что-нибудь вроде арсенала, казармы или тюрьмы. Решетки на окнах, амбарные замки на дверях. Мобильные телефоны и прогулки запрещены.

О звонке домой по служебному телефону через девятку молил на коленях.

Палаты на 10 человек без дверей; интересы: "В субботу вечером", "Кривое зеркало", Новые Русские Бабки и Петросян, да еще: плакаты "Пепси", "Мадонна с младенцем", странный Диплом за изготовление какого-то мороженого. Телевизоры старенькие, потому что денег нет ни на лекарства, ни на белье; телевизоров нет даже в одноместных палатах-люкс, где и не жил никто. ВИЧ-инфицированные и гепатит С, все вместе, одна процедурная; общая ванная, работает раз в неделю. Санитаров нет, полы моют пациенты в режиме трудотерапии; иногда их моет буфетчик. Поразительно малочисленная популяция тараканов, чего не скажешь о комарах. Облупленные стены: протечки, известка, поганочные грибные пятна, плесень. Обоев нет и следа. Санитарам надо платить, а зачем платить, когда за кусок хлеба может работать мой сосед, который лежит там уже девять месяцев, будучи выгнан женой и тещей.

Из-под кроватей выгребают бумагу, измазанную говном.

У наркотов, татуированных куполами и перстнями, ножи; героин не переводится, отработанный чифир вываливается литровыми банками. Все контакты и встречи с этими людьми происходят в сортире, которого не сыщешь и в Верхней Вольте, даже вооруженной ракетами.

- Олень, блядь!...

- Ты не мимо ссышь?...

С сортиром, который курилка, я познакомился только на следующий день. В первый же мне впороли такое, что у меня из головы вылетели и Сенатская площадь, и весь Санкт-Петербург.

В сортире у наркотов налажены "дороги": клянчат и крадут нитки, спускают банки куда-то на третий этаж через решетку; потом эти банки возвращаются, наполненные чем-то. В первый же день у меня сперли тесемку с брюк, и вскоре я видел, как ее уже ладят под "дорогу": "коня" засылать. Подобрев, прикармливают воробьев моченым хлебом.

Банка внизу постукивает о подоконник адресата, колеблемая штормовым предупреждением...

Но в моей палате подобрались милые, алкогольные мужики.

Ничего не могу сказать. Обычные мужики, каких миллионы и миллионы, а я уже видел у них все диагнозы и перспективы.

Типичные алкогольные разговоры:

- Я здесь третью неделю. Сейчас бы граммчиков 100-150 - да, Леша?

Сосед по койке:

- Я что - опять заснул?

- Так это ж хорошо (я ему).

- Да я понимаю, что неплохо.

Вот - квинтэссенция! Вообще говоря, умение местной публики спать поражало. Поверьте - мне скармливали и впарывали не меньше, да еще и таблетки изволь выпивать в присутствии сестры, но все же, все же... А уж наколят некоторых! Заваливаются в сортире, в постороннем ссанье, или ползут по коридору. Один, плача, интересовался: а какой здесь срок лечения? Ответ: ты, главное, не хавай этих таблеток и уколами не порись, а то пиздец тебе... Сосед говорил про такого новенького: есть такая категория - ванька-встанька; хуй уложишь, пока сам не угомонится. Ванька-дедок предлагал, ползая, культурный обмен: он, дескать, упал с седьмого этажа, и все деньги высыпались, а ему очень нужна маленькая - вот он и соединит в ТВ зеленый и красный кабели, так что станут видны все каналы, а за это ему - маленькую.

Сестры, пожалуй, там такие же, какие везде. Воскресная напилась к вечеру. Сестринское коридорное погавкивание - вообще особенная реальность. И знаете, кем я себя представлял? Одуревшим Макдауэллом из фильма "Цареубийца", где он сидит в дурдоме и послушно слушает телевизор, как Антонов поет: "Только в полетах живут самолеты..." ...В какой-то момент я начал беспокоиться за судьбу этих записей, их могли неправильно истолковать.

Но разговоры в сортире-курилке оставались самым занимательным. Очень ругали Саммит Восьмерки:

- Ебаная пиздобратия! Просил у врача прогулку, он мне - хуй!

Наркоты отличались особенно.

- Выписался через 10 дней, так ширанулся четвертью дозы - перло весь день!

- После этой больницы от барбитуры придется 2 месяца отходить...

- Такое впороли, что полночи туалет искал, как в компьютерной игре; обоссался - вон, трюли сохнут...

- А сколько на нее (на жену) записано, теперь все отберут, блядь, овца дырявая! - И кулаком в дверь, где хозяйственный инвентарь. Треск.

Раздача лекарств. Сестру отвлекает телефонный звонок. От

двери сразу ползет писклявый голос:

- Алло! Это из Главного Фармацевтического Управления! Помогите нам разгрузить ящик трамала!...

А вот нечто новое: наркот просит меня стряхивать ему в ладонь папиросный пепел. Он бодяжит его и пьет вместо соды - утверждает, что много лучше... Папиросы хватает вполне.

Еще один наркот: смотрит телеигру. Поражается:

- Бля, какая у людей память на имена! Тут три раза повторишь и хуй запомнишь!

Но было и привычное, родное, знакомое по родной больнице, где когда-то работал. Ну хотя бы: по весне на 8 отделении вывесили Карантин по Гриппу и забыли снять. Никого до сих пор не пускают.

...Давеча с утра я отказался принимать лекарства и пищу, потребовал звонка домой. Я сказал, что уползу, вцепившись в кого-нибудь зубами - битый, истерзанный, закованный в цепи, но уползу. Видения мои забылись, они отступили, ошарашенные. Они сменились новыми, которые уже не покинут меня никогда.

Я вернулся домой похудевшим кило на десять, что и неплохо; заросший черной бородой от самых глаз, абсолютно деморализованным и готовым расплакаться по ничтожному поводу.

Берегите себя, друзья. Доктор знает, что говорит. Хотя сидевшие люди посмеются надо мной.

2005-2006